
WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY
TOM XVII (2020), №4
s. 227-249
doi: 10.36121/lsmilovitskiy.17.2020.4.227

Леонид Смиловицкий
(Tel-Aviv University)
ORCID 0000-0001-9403-3134

«Мы уже в Германии. Топчем фрицевскую землю ...».¹ Германия и немцы глазами евреев, советских солдат и офицеров. По страницам писем и дневников 1944-1945 гг.

Аннотация: Статья посвящена восприятию Германии и немцев глазами евреев, которые воевали в Красной Армии. Рассказывается, что до перехода границы евреи, как советские солдаты, были полны желания мстить за гибель родных и невиданные разрушения. Однако никто из них не представлял, какую непростую задачу (психологическую, нравственную и эмоциональную) предстоит решить, попав на территорию противника. После перехода границы эти настроения переменились. На смену ненависти пришло милосердие. Встреча с реальной Германией, ее культурой, архитектурой, достижениями научно-технического прогресса, комфортом домашней жизни вызвали и другую реакцию. Автор делает вывод о том, что пребывание в Германии дало бесценный опыт, который евреи надеялись использовать при восстановлении мирной жизни в СССР. Они верили, что советское государство по достоинству оценит их вклад в общую победу на фронте и в тылу, но действительность оказалась иной. Все заслуги евреев в годы войны не привели к исчезновению антисемитизма в Советском Союзе. Материалом для статьи послужили письма и дневники советских евреев, солдат Красной Армии, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012-2017 гг.) и впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: вторая мировая война, СССР, евреи в Красной Армии, военно-полевая почта, военные преступления, оккупация Германии.

¹ Из письма П.Ф. Мельникова из Восточной Пруссии – родителям в г. Быхов (Белоруссия) 25 января 1945 г.

“We are already in Germany. Trampling on the Fritz’s land ...”. Germany and the Germans through the eyes of Jews, as Soviet soldiers and officers. On pages of letters and diaries of 1944-1945.

Annotation: After crossing the border, these sentiments changed greatly. Mercy replaced hatred. The meeting with real Germany, its culture and architecture, the achievements of scientific and technological progress as well as the comfortable home life there caused a different reaction. The author concludes that staying in Germany was an invaluable experience that the Jews hoped to use when restoring peaceful life in the USSR. They believed that the Soviet state would appreciate their contribution to the overall victory at the front and in the rear, but the reality turned out to be different. The services of the Jews during the war did not lead to the disappearance of anti-Semitism in the Soviet Union. This study is based on WW2 correspondence, letters and diaries of Soviet Jews, as soldiers of the Red Army, which were recently collected in the archives of the Diaspora Research Center at Tel Aviv University (2012-2017) and now, for the first time, are used for academic purposes.

Keywords: World War II, USSR, Jews in the Red Army, military field mail, war crimes, occupation of Germany.

„Jesteśmy już w Niemczech. Depczemy ziemi Fryców...”. Niemcy i ich kraj oczami Żydów, żołnierzy i oficerów sowieckich. W świetle listów i pamiętników 1944-1945.

Streszczenie: Artykuł jest poświęcony postrzeganiu Niemiec i Niemców przez Żydów walczących w Armii Czerwonej. Przed przekroczeniem niemieckiej granicy Żydzi, podobnie jak żołnierze radzieccy, byli pełni pragnienia pomśzczenia śmierci swoich bliskich i bezprecedensowych zniszczeń. Żaden z nich nie miał jednak pojęcia, przed jak trudnym zadaniem (psychologicznym, moralnym i emocjonalnym) będzie musiał stanąć, gdy wejdą na terytorium wroga. Po przekroczeniu granicy nastroje te uległy zmianie. Miłosierdzie zastąpiło nienawiść. Spotkanie z prawdziwymi Niemcami, ich kulturą, architekturą, osiągnięciami postępu naukowo-technicznego, życiem rodzinnym wywołało zmianę nastrojów. Autor konkluduje, że pobyt w Niemczech dostarczył nieocenione doświadczenia, które Żydzi mieli nadzieję wykorzystać w przywróceniu spokojnego życia w ZSRR. Uważali, że państwo radzieckie doceni ich wkład w ogólne zwycięstwo na froncie i tyłach, ale rzeczywistość okazała się inna. Zasługi Żydów w latach wojny nie doprowadziły do zaniku antysemityzmu w ZSRR. Za materiał do tej pracy posłużyły listy i pamiętniki radzieckich Żydów, żołnierzy Armii Czerwonej, które w ostatnim okresie (2012-2017) zostały zebrane w *Diaspora Research Center* Uniwersytetu w Tel Awiwie i po raz pierwszy są tu wprowadzane do obiegu naukowego.

Słowa kluczowe: II wojna światowa, ZSRR, Armia Czerwona, zbrodnie wojenne, Żydzi, okupacja Niemiec.

Понятия «Германия и немцы» вызывали у советских евреев сложную гамму чувств и переживаний. В письмах домой они открыто обсуждали намерения в отношении Германии и немцев после перехода государственной границы. Бойцы и командиры Красной Армии с нетерпением ждали часа расплаты с мучителями и убийцами своих родных и близких. Евреи служили во всех родах войск, начиная от пехоты, артиллерии, бронетанковых войск и кончая авиацией и военно-морским флотом. Они находились в штабах и конструкторских бюро, представляли собой мозг советской оборонной промышленности. Евреи-интенданты обеспечивали логистику Красной Армии, евреи-медики спасали сотни тысяч человеческих жизней. Опытные солдаты хорошо умели воевать и знали себе цену. Они

пользовались заслуженным авторитетом у товарищей по оружию, а их грудь украшали правительственные награды, справедливо заслуженные в боях и сражениях.² Всего в рядах Красной Армии за годы войны служили 501 тыс. евреев, включая 20 тыс. женщин. 80% еврейских военнослужащих принимали участие в боевых действиях.³ На поле боя пали или умерли от ран в госпиталях 198 тыс. евреев, что составило 39,6% всех еврейских солдат и офицеров (средний уровень потерь в Красной армии равнялся 25%). Среди оставшихся в живых евреев, отправившихся на фронт, ранения получили 180 тыс. чел. или 60%, из которых 70 тыс. оказались тяжелыми.⁴

По понятным причинам советская периодическая печать больше писала о русском и советском героизме. О подвигах евреев можно было подробно узнать из газеты «Эйникайт». Однако из-за незнания идиш и удаленности районов распространения еврейской прессы многие евреи ее не читали.⁵ Евреи воспринимали войну не только как войну Германии против Советского Союза, но главным образом как войну против евреев. Они не выделяли себя из общего числа военнослужащих. Однако советская государственная система и политика коммунистической партии выделяли их из общего окружения, что создавало почву для антисемитов. Отсюда стремление евреев развеять миф о своем мнимом неумении воевать, двуличии, лицемерии, приспособленчестве, желании прятаться за плечами солдата русского, украинца или белоруса. Большинство советских евреев, солдат и офицеров, были атеистами. У них не возникало вопросов, как соблюдать еврейскую традицию, хотя в Красной Армии это все равно было невозможно.

Евреи ревностно относились к публикациям о награждениях, обращая внимание на национальность людей, удостоенных государственных наград или, наоборот, на отсутствие упоминания о евреях. Доля евреев от общего числа награжденных советских воинов в годы войны была велика. В октябре 1942 г. по статистике были награждены 5 тыс. 163 еврея, а в 1944 г. - 32 тыс. 67 чел.⁶ На 1 апреля 1946 г. количество евреев, удостоенных правительственных наград, составило 123 тыс. 822. В целом, по числу награждений евреи занимают четвертое место среди народов СССР, в то время как по численности населения они стояли на седьмом месте.⁷

Никто из евреев в Красной Армии не высказывал сомнения в целесообразности продолжения войны за пределами государственной границы. Всем было ясно, что остановиться на полпути нельзя, поскольку путь домой лежал

² Ицхак Арад, *Они сражались за Родину // Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне*, Москва-Иерусалим 2011, с. 122-149.

³ Некоторые евреи-военнослужащие были записаны как принадлежащие к другой национальности: белорусами, украинцами, литовцами, татарами и т. д., поэтому все сведения о евреях в Красной Армии нуждаются в уточнении.

⁴ *Pariahs among the pariahs. Soviet-Jewish POW's in German Captivity, 1941-1945*. By Aron Sheyer. Yad Vashem. Jerusalem 2016, pp. 112-113, 270.

⁵ *To Pour Out My Bitter Soul. Letters of Jews from the USSR 1941-1945*, edited by Arkadi Zeltser, Yad Vashem, Jerusalem 2016, p. 23.

⁶ Ицик Феффер, Felker-brider, «Эйникайт», 2 марта 1944 г., с. 3.

⁷ Арон Шнеер, *Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941-1945 гг.* Москва-Иерусалим 2005, с. 354.

через капитуляцию Германии, поэтому ненависть к врагу росла пропорционально желанию увидеть своих родных. На протяжении войны тема возмездия считалась приоритетной в советской агитации и пропаганде.⁸ С переходом границы необходимо было принять меры, чтобы жажда мести не выплеснулась за пределы допустимого. Советскому политическому руководству пришлось немало потрудиться, чтобы изменить предшествующий стереотип политической работы и доказать, что понятия «фашист» и «немец» не являются тождественными. В начале 1945 г. Главное политическое управление Красной Армии потребовало от политработников всех уровней разъяснить, как следует себя вести на территории Германии. Лозунг «Убей немца!» упразднился.

14 апреля 1945 г. газета «Правда» напечатала статью Г. Александрова⁹ «Товарищ Эренбург упрощает», в которой по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за войну. Вслед за этим 21 января 1945 г. командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К. Рокоссовский издал приказ № 006, требовавший «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. 27 января приказ аналогичного содержания подписал командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев. 29 января приказ маршала Г.К. Жукова запрещал красноармейцам «притеснять немецкое население, грабить квартиры и сжигать дома». 20 апреля 1945 г. была принята соответствующая директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии.¹⁰ Разного рода «чрезвычайные происшествия и аморальные явления» в частях наступающей Красной Армии фиксировались особыми отделами,¹¹ военными прокурорами, политработниками, по возможности пресекались. По данным военной прокуратуры в первые месяцы 1945 г. военные трибуналы осудили 4148 советских офицеров и большое количество рядовых. Несколько показательных судебных процессов по делу военнослужащих, допустивших насилие над мирным населением, завершились вынесением виновным смертных приговоров.¹² Многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и унижениями мирных жителей. В целом ожидавшаяся волна насилия на территории противника была значительно уменьшена, а затем и сведена до минимума. Советские солдаты несли миссию освободителей не только

⁸ 18 июля 1942 г. в «Красной звезде» было опубликовано стихотворение Константина Симонова «Убей его», которое, как считается, вдохновило Илью Эренбурга на его знаменитое обращение от 24 июля 1942 г. «Убей!», которое вслед за «Красной звездой» перепечатали почти все советские газеты, включая фронтовые многотиражки.

⁹ Георгий Фёдорович Александров (1908-1961 гг.), советский партийный и государственный деятель, профессор (1939 г.), начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) в 1940-1947 гг.

¹⁰ М.И. Семиряга, *Как мы управляли Германией. Политика и жизнь*, Москва 1995, с. 314-315; *Российский Архив. Великая Отечественная война. Т. 15 (4-5). Битва за Берлин*, Москва 1995, с. 220.

¹¹ В функции особого отдела при Наркомате обороны СССР в годы войны входило: наблюдение за политическим и моральным состоянием личного состава; выявление лиц, заподозренных в государственной измене, шпионаже, диверсиях, терроризме; организаций и групп, ведущих антисоветскую агитацию и предание их суду военного трибунала.

¹² О.А. Ржешевский, *Изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским*, „Военно-исторический журнал“ 2003, № 5, с. 31.

государствам Восточной, Центральной и Южной Европы, но и сотням тысяч иностранных рабов, вывезенных за годы войны немцами из оккупированных ими стран. Они освобождали концлагеря в Польше и Германии (Освенцим, Заксенхаузен, Дахау, Бухенвальд и др.), где человеческая жизнь ничего не стоила. Все это только усилило священное чувство мести.

В письмах говорится об упорном сопротивлении немецких войск, которые в 1945 г. защищали собственный дом, родной очаг и свои семьи. Немцы понимали, что у «русских» есть все основания с ними посчитаться. Однако сдержат натиск советских войск было уже нельзя. Ресурсы Германии иссякли, тогда как возможности Красной Армии только увеличивались. Она действовала уверенно и с большим перевесом сил. Накал борьбы не сдерживали огромные человеческие потери с обеих сторон. Совинформбюро предпочитало сообщать о потерях врага, умалчивая о своих собственных, которых было не меньше, а иногда и намного больше, чем у противника.¹³ Сведений об убитых, раненых, попавших в плен, открытая советская статистика военных лет не приводила.¹⁴

При приближении советских войск к государственной границе изменился и тон почтовой корреспонденции. За время, прошедшее с 1941 г., евреи, как на фронте, так и в районах эвакуации, зарекомендовали себя умелыми, трудолюбивыми и ответственными работниками, их дети ходили в школу, все ждали конца войны и начала реэвакуации. Некоторые авторы писем из тыла на фронт требовали не жалеть немецких солдат и их семьи за горе и страдания, причиненные еврейскому народу. В ответ из Германии они получали менее «кроважидные» письма. Фронтовики сообщали, что одно дело враг, с которым они встречались в бою с оружием в руках, а другое дело – их семьи, беззащитные и разоренные войной люди.

Граница близка

Летом и осенью 1944 г. на советско-германском фронте произошли драматические события. Маятник военного успеха уверенно перешел на сторону советских вооруженных сил. Красная Армия развернула мощное наступление в Карелии (10 июня - 9 августа), Белоруссии (23 июня - 29 августа), на Западной Украине (13 июля - 29 августа) и в Молдавии (20 - 29 августа).

В ходе Белорусской операции «Багратион» войска пяти советских фронтов, освободили Белоруссию, Латвию, часть Литвы, восточную часть Польши и вышли к Восточной Пруссии. В итоге Львовско-Сандомирской операции были освобождены западные области Украины и юго-восточные районы Польши, а по итогам Яско-Кишиневской операции - западные области Украины и юго-восточные районы Польши. Это вынудило Румынию выйти из союза с Германией

¹³ По данным В.Н. Земскова, прямые советские потери за годы войны составляли около 16 млн. чел., из которых 11,5 млн. чел. – военные и 4,5 млн. чел. – гражданские лица. „Военно-исторический архив“ 2012, № 9, с. 59–71.

¹⁴ Согласно данным историка Г.Ф. Кривошеева, с 1941 по 1945 гг. всего в Красной Армии пропали без вести, и попали в плен 3 млн. 396 тыс. 400 военнослужащих, из них вернулись 1 млн. 836 тыс. чел., не вернулись (погибли либо эмигрировали) – 1 млн. 783 тыс. чел. - Л. Радзиховский, *Неизвестные солдаты*, „Российская газета“ № 4359, 8 мая 2007 г.

и объявить ее войну 24 августа 1944 г., Финляндия на севере вышла из войны 19 сентября 1944 г.

В сентябре-октябре советские войска освободили часть Чехословакии и оказали поддержку Словацкому национальному восстанию. Красная Армия вместе с войсками Румынии, Болгарии и Югославии продолжала наступление с целью освобождения Венгрии и Югославии. В сентябре-ноябре войска трех Прибалтийских и Ленинградского фронтов очистили от противника почти всю территорию Прибалтики, блокировав в Курляндии около 38 дивизий противника. В это же время (с 7 по 29 октября) войска Карельского фронта при поддержке Северного флота освободили Заполярье и северные районы Норвегии (Петсамо-Киркенесская операция). Таким образом, за лето и осень 1944г. фронт вплотную приблизился к границам нацистской Германии, а в Восточной Пруссии перешагнул их. С открытием второго фронта в Европе (6 июля – 31 августа 1944г.) Германия потеряла возможность перебрасывать свои силы с Запада на Восток и была вынуждена объявить новую тотальную мобилизацию. 18 октября 1944 г. советские полки и дивизии, преодолевая упорное сопротивление врага, вышли на территорию Восточной Пруссии, которая имела репутацию колыбели прусского милитаризма. В результате Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, продолжавшейся с 13 января по 25 апреля 1945 г. территория Восточной Пруссии была полностью занята советскими войсками.¹⁵

Летом 1944 г. Михаил Абрамович писал своей семье, как огромная масса людей, техники, лошадей неумолимо двигается вперед, временами останавливается и снова день и ночь идет, идет, идет, как неизбежное, как рок: «Оставляет на пути битые машины, трупы лошадей, могилы людей и продолжает движение к сердцу врага, чтоб всадить в него штык и только этим удовлетворить свою месть».¹⁶ Израиль Перлов сообщал Суламифи Лазаревне Вулих в июне 1944 г. как он счастлив, что после трех лет Красная Армия вышла к границам Германии, что «ее меч обязательно рассечет многомиллионное чудовище». И далее: «Если мы хотим дышать полной грудью, то нельзя останавливаться на полпути, чего бы предстоящий путь нам не стоил. Я меньше всего мечтатель и меньше всего воинственный человек. Но я многое остро прочувствовал и поэтому многое яснее понимаю».¹⁷ Менаше Ваил в июле 1944 г. признавался жене Бэле, что, чем ближе советские войска подходили к немецкой границе, тем ожесточенней сопротивлялся враг: «Особенно упорно он сопротивляется по ту сторону реки Неман, которую мы форсировали во многих местах».¹⁸ Соломон Канцедикас в августе 1944 г. отмечал, что каждый его солдат рвется в Германию: «Впервые наши станут воевать не на нашей земле. Вообще-то мы живем в большое и интересное

¹⁵ Арон Абрамович, *В решающей войне. Участие и роль евреев в войне против нацизма*, СПб 1999, с. 545-587.

¹⁶ Письмо М.С. Абрамовича - Евгении Яковлевне Абрамович в г. Ярославль, лесокombинат, барак 16, кв. 1, 20 июля 1944 г.

¹⁷ Письмо Израйла Самуиловича Перлова - Суламифи Лазаревне Вулих в Ташкент 22 июня 1944 г.

¹⁸ Письмо Менаше Берковича Ваила - Бэле Шлемовне Вайл-Новак в Бутуруслан Чкаловской обл. 19 июля 1944 г.

время, и если б оно не стоило столько крови». ¹⁹ В октябре 1944 г. Соломон сообщал, что советские войска овладели Клайпедским краем на самой германской границе: ²⁰ «Это счастливые дни. Немцы оказывают самое ожесточенное сопротивление, ведь мы подошли к их логову». ²¹

Эту же мысль мы находим у Михаила Абрамовича, который в октябре 1944 г. писал домой: «Мы готовимся к последнему прыжку. Он будет трудным, но я допрыгну. Я буду жить ради вас, дети, ради вашей мамы, ради своей мамы. И после этого прыжка закончатся фашисты, и я буду с вами, с вашей мамой и с вашими бабушками». ²² Менаше Ваил тогда же добавлял, что исполнилось чаяние всего советского народа бить врага на его территории - он его товарищи перешагнули немецкую границу: «Настроение у всех исключительно приподнятое. Пишу на ходу. Вся вражеская земля исковеркана минами, снарядами и бомбами. Бои идут днем и ночью. Все кругом горит». ²³ Давид Пинхасик в письме Марии Вагановой в январе 1945 г.: «Наконец для немцев наступает похмелье. Дело идет к развязке: трудно сказать, когда она наступит. Бои ведем тяжелые, но усталость не стигает людей, невероятная сила окрыляет их, сила мщения и сила путника, увидевшего после долгого пути цель своего движения на горизонте». ²⁴

Бойцы и командиры отмечали в своих письмах следы панического бегства гражданского населения. Соломон Канцедикас в октябре 1944 г. писал: «Жителей нет совсем, всюду пустуют дома, попадаютсся и поместья всяких баронов и фонов». ²⁵ Менаше Ваил в ноябре 1944 г. продолжал эту мысль: «В городишках и селах не видать ни единой души, а добро все брошено, видимо, второпях убегают от нашего правосудия, от нашей мести». ²⁶ Вместе с тем советских солдат поразил уровень немецкого комфорта, с которым они не были знакомы. Этот контраст большинство пыталось объяснить за счет грабежа оккупированных Германией территорий: «Вчера захватили крупное немецкое поместье. Ты бы видела, как этот сволочь жил. Он свез себе богатство со всех концов. Мы захватили три сотни свиней и овец. Часть пошло в красноармейский котел, остальное передали тылам». ²⁷ Давид Пинхасик: «Остановились на денек в доме, напоминающем курортную гостиницу ... Только что пообедали, сидим и запиваем немецким вином, курим немецкие сигареты. В домах царит хаос и следы поспешного бегства. Вме-

¹⁹ Письмо Соломона Мейлоховича Канцедикаса - Элишеве Яковлевне Канцедикас в Куйбышев 19 августа 1944 г.

²⁰ Клайпедский край (лит. *Klaipėdos kraštas*), или Мемельский край, часть Малой Литвы, ранее входившая в состав Восточной Пруссии, расположен севернее р. Неман с центром в Клайпеде (Мемеле) - полоса длиной 140 км и шириной 20 км (145 тыс. жителей), аннексирован нацистской Германией в 1939 г., а после 1945 г. СССР возвратил его Литве, в настоящее время - граница между Литвой и Калининградской областью России.

²¹ Письмо С.М. Канцедикаса - Э.Я. Канцедикас 13 октября 1944 г.

²² Письмо Михаила Соломоновича Абрамовича своим детям Боре, Рите, Зяме, Ине и Вове в Ярославль 10 октября 1944 г.

²³ Письмо М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак 17 октября 1944 г.

²⁴ Письмо Давида Пинхасика - Марии Вагановой в Минск 25 января 1945 г.

²⁵ Письмо С.М. Канцедикаса - Э.Я. Канцедикас 25 октября 1944 г.

²⁶ Письма М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак 8 ноября 1944 г.

²⁷ Письмо С.М. Канцедикаса - Э.Я. Канцедикас 13 октября 1944 г.

сте с бараклом они оставляют и портреты своего фюрера».²⁸ Менаше Ваил: «Да, немцы жили богато, но это было богатство за чужой счет. Теперь все это богатство валяется под ногами. Даже к их вещам мы относимся с омерзением потому, что они ими пользовались и держали в своих обгаренных кровью руках. Все немецкое для нас отвратительно».²⁹

Жажда расплаты

У советских евреев к Германии и немцам был свой счет. Накануне перехода Красной Армией государственной границы нацистский геноцид евреев уже не представлял секрета.³⁰ Об этом писали в газетах и сообщали по радио, были сделаны заявления советского правительства (ноты В.М. Молотова).³¹ Солдаты и офицеры видели расстрельные рвы и ямы, переполненные человеческими телами. Они освобождали города и деревни, где не осталось больше ни одного еврея, слышали из первых уст рассказы очевидцев о том, как это происходило. Понятно, что творилось в их душах и как они собирались поступить с немцами, попав в Германию, имея в руках оружие и чувствуя за своими плечами всю мощь Советской армии. В письмах евреев с фронта приводятся слова «наш народ», «наши люди». Однако по контексту становится ясно, кого именно они имели в виду. Приводились имена и фамилии родных евреев, ставших жертвами нацистского геноцида. В письмах содержались призывы заставить народ Германии пережить горе и ужас войны, которые испытали советские люди. Фронтовики отмечали в своих письмах равнодушие, с которым они смотрели на трупы врагов, используя эпитеты «фашистская сволочь», «проклятые псы», «падаль» или «дохлые фрицы», весьма колоритные по своему содержанию. Останки немецких солдат похоронные команд убирали в последнюю очередь. В марте 1944 г. Соломон Канцедикас писал жене Элишеве, что с немецкими зверствами нельзя свыкнуться, просто человеческий разум это не принимает: «Это звери и с ними мы обходимся как с хищниками. Даже самые спокойные люди стремятся как можно больше уничтожить этой сволочи ... курсант Перкас, медлительный, спокойный парень, поразил недавно из снайперской винтовки 12 фрицев. И таких много».³² Михаил Абрамович в июле 1944 г.: «Нужно добить немца, чтобы отомстить за все наше горе и разлуку».³³ В июле 1944 г. Михаил продолжал, что ему пришлось буквально защищать одного пленного, которого его солдаты хотели линчевать, а тот был нужен как «язык»:³⁴ «Но в душе я радовался этой священной ненависти и видел,

²⁸ Письмо Давида Пинхасика - Марии Вагановой в Минск 25 января 1945 г.

²⁹ Письмо М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак 1 февраля 1945 г.

³⁰ Ицхак Арад, *Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945)*, Днепрпетровск 2007.

³¹ *Нота народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных или советских территориях» 6 января 1942 г.*, „Большевик“, 1942 г., № 1, с. 8-21; *Нота В.М. Молотова «О повсеместных грабежах, о чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» 2 и 6 марта 1942 г.*, „Красная звезда“, 28 апреля 1942 г.

³² Письмо С.М. Канцедикаса - Э.Я. Канцедикас 31 марта 1944 г.

³³ Письмо М.С. Абрамовича - своим детям в г. Ярославль 11 июня 1944 г.

³⁴ «Язык» - военнопленный, захваченный, чтобы получить сведения о неприятеле.

что жалости немцам ждать придется очень долго».³⁵ Менаше Ваил в октябре 1944 г.: «Фрицы валяются по всем дорогам уже на своей земле. Это только начало мести за кровь наших братьев и сестер, погибших от их руки. Это им за Шаю, за Симу, за Полю, за всех-всех».³⁶

В январе 1945 г. Семен Левитан сообщал своей сестре Лие, что не мог забыть, как плакал молодой танкист на румынской границе: «Он лежал на тридцать четверке и рыдал. Мы подошли к нему “Что плачешь”? “У меня убили мать, батьку, братьев. Немцы. И Верку - она сгорела”. Мы его поняли и ушли. Недавно мы опять встретили его. Он нас не узнал. Тогда ему не до нас было. Мы напомнили ему случай на румынской границе. Он покраснел и хотел что-то ответить, и не находил слов. Команда “по машинам” выручила хлопца. Сейчас наши части идут рядом».³⁷

В феврале 1945 г. Менаше Ваил писал домой, что для немцев час возмездия настал - дома горят, имущество гибнет, скот бродит брошенным, и сами немцы стали бездомными: «Так и хочется каждому в лицо сказать: это вам за наши страдания. Вот это вам за гибель многих миллионов советских людей, за гибель наших женщин и детей. Мужчины были непосредственными исполнителями этих злодеяний, женщины помогали им, если не физически, то морально, а дети готовились к выполнению таких же злодеяний, как их отцы, будучи воспитаны сызмала в духе того, что немцы “превыше всего и всех”».³⁸ Моисей Гинзбург тогда же писал своим родителям: «Мы должны заставить этот народ ползать в ногах и повиноваться нашему знаку. Мы отобьем у немцев охоту воевать навсегда».³⁹ Лазарь Кац в марте 1945 г. сообщал своей жене Софье Рубинштейн, что очень скоро ступит на “клятую” землю, где он еще крепче будет мстить “за нашу пролитую кровь, за наших родителей и за нашего любимого сына Вовочку”.⁴⁰

Ответные письма из дома о переходе Красной Армией государственной границы и переносе боевых действий на территорию противника находили полное понимание. Особенно грозно звучали строки о том, что еврейская кровь требует отмщения и теперь это случится. В некоторых письмах на фронт мы находим указания, как это нужно исполнить. Ни одно письмо не содержало намека на прощение, проявление гуманности, сострадание и милосердие к гражданскому населению, как семьям захватчиков и убийц. Геня Кобринская писала своему жениху Науму Кунину летом 1944 г. из Витебска: «Кольшек⁴¹ наших больше нет. Немцы убили всех евреев, дома сожгли. Мы с мамой и братом чудом спаслись. Наум, отомсти!»⁴² Песя Йохельсон осенью 1944 г. из Удмуртии: «Немцы

³⁵ Письмо М.С. Абрамовича - Евгении Яковлевне Абрамович в г. Ярославль 20 июля 1944г.

³⁶ Письма М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак 17 октября 1944 г.

³⁷ Письмо Семена (Симы) Залмановича Левитана - Лии Соломоновне Левитан 9 января 1945 г.

³⁸ Письмо М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак 1 февраля 1945 г.

³⁹ Письмо М.Б. Гинзбурга - родителям в Баку 2 февраля 1945 г.

⁴⁰ Письмо Лазаря Львовича Каца - жене Софье Моисеевне Рубинштейн в Минск 1 марта 1945 г.

⁴¹ В д. Кольшки Лиозненского р-на Витебской обл. (Беларусь), свыше 1 тыс. евреев или 67,4 % от числа жителей, гетто было ликвидировано нацистами 17 марта 1942 г. См.: *Еврейская Российская энциклопедия*, Москва 2004, т. 5, с. 136.

⁴² Письмо Гении Кобриной из д. Понизовье Смоленской обл. - Науму Кунину 14 июля 1944 г.

загубили наших родных и за это понесут ответ. Гитлеровцы сделали несчастными миллионы людей. Сегодня Мартинайте получили извещение, что его родителей и брата немцы увезли в Германию, жену с ребенком разбомбили. Отомсти!»⁴³ Бэла Ваил-Новак в феврале 1945 г. из Бугуруслана: «Немцев постигла тяжелая участь - это очень хорошо. Пусть и они почувствуют, как и мы. Пусть лишатся всего, что у них есть. Пусть их матери, жены и дети так же испытают горе, нужду и все прочие ужасы войны, как испытал это весь советский народ».⁴⁴ Мария Ваганова мужу Давиду Пинхасику из Минска: «Настал час великого возмездия. Как радуется наш народ всему тому, что воздается этим гадам за все страдания. Мстить надо жестоко в большом и малом ...»⁴⁵ Д.М. Днепрова из Киева писала, что немцы начали войну на трупах миллионов невинных людей, и она должна закончиться на трупах немцев, которые должны ответить за это десятками миллионов: «Все немецкое должно быть уничтожено, и это будет месть справедливая и законная, ибо обязанность каждого честного человека уничтожить заразу в корне. Немцы должны чувствовать справедливость кары десяти поколений ... Оружия даем вам столько, сколько требуется, так что не жалейте!»⁴⁶ Общую тональность ответов фронтовиков на подобные призывы их родных из эвакуации показывает письмо Израйла Перлова, которое он отправил своей жене Суламифи в феврале 1945 г.: «В твою кровожадность я нисколько не верю, а мне приходится сейчас больше бороться против "инстинктов", чем против гуманности. Все это значительно сложнее, чем тебе кажется».⁴⁷

Победа близка

В январе 1945 г. началась Висло-Одерская операция Красной Армии, в результате которой была освобождена вся территория Польши. 10 марта советские войска форсировали Одер и оказались в 80 км от Берлина. К середине апреля 1945 г. были повержены основные группировки немецких войск. Остатки германской армии оказались обречены. Солдатские письма были полны гордости за мощь советского оружия, которое превзошло военную машину Германии, казавшуюся непобедимой в начале войны. Моисей Гинзбург писал в январе 1945 г.: «Наши действия настолько стремительны, что фриц не успевает бежать. Дороги забиты техникой... Мы все время в движении».⁴⁸ В начале февраля Моисей продолжал: «До Берлина менее сотни километров. Скоро мы пройдем по улицам столицы убийц и палачей».⁴⁹

В конце февраля 1945 г. Мендель Лившиц сообщал своей дочери, что писал письмо под непрерывную музыку канонады, когда воздух и земля содрогались кругом: «Бегут фрицы и фрищенята, бросают всё, лишь бы спастись. Горит сердце на них, дочка. За все наши страдания должны они ответить, и мы не успокоимся,

⁴³ Письмо Песи Йохельсон из с. Дебесы Удмуртской АССР – своему мужу Овадии Натановичу Йохельсону 4 октября 1944 г.

⁴⁴ Письмо Б.Ш. Ваил-Новак из Бугуруслана – М.Б. Ваилу 19 февраля 1945 г.

⁴⁵ Письма М. Вагановой из Минска – Д. Пинхасику 19 и 20 февраля 1945 г.

⁴⁶ Письмо Д.М. Днепрова из г. Свердловск – М.Б. Ваилу 18 марта 1945 г.

⁴⁷ Письмо И.С. Перлова – С.Л. Вулих 18 февраля 1945 г.

⁴⁸ Письмо М.Б. Гинзбурга – родителям в Баку 19 января 1945 г.

⁴⁹ Письмо М.Б. Гинзбурга 5 февраля 1945 г.

пока последний фриценок не скажет – “Гитлер капут”». ⁵⁰ В марте 1945 г. Яков Эпштейн в письме к жене Нине выражал свою уверенность, что действительно Гитлеру скоро будет “полный капут” и тогда он обнимет ее и детей “крепко-крепко”, чтобы больше никогда не расставаться.⁵¹

В марте 1945 г. Давид Пинхасик писал, что предстоят еще тяжелые бои, поскольку впереди твердыня и оплот немецкой военщины (Кенигсберг – ЛС), но «рвение столь велико, что просто не терпится скорее разделаться с этой мрачной и серой страной, с ее уродливым людом, в котором чванство и низость, бахвальство и трусость. Это желание владеет душой каждого нашего солдата». ⁵² Менаше Ваил уточнял, что идет приступ последней твердыни, оставшейся у врага в этой части его земли: ⁵³ «Штурм пока идет с воздуха, но скоро-скоро он начнется и с земли, чтоб нанести последний сокрушительный удар». ⁵⁴ Тогда же Никита Толстой⁵⁵ писал своей тете Ане⁵⁶, что на военной талой земле валяются всюду трупы немцев в зеленых шинелях, а душа радостна и спокойна от этого “весеннего сева”: «На будущий год на этих полях не вырастут новые “фрицы”». ⁵⁷ В апреле 1945 г. Никита Толстой добавлял, что Германия на коленях: «Забавляет обилие белых флагов – это обозначает сдачу, немцы сдаются на милость победителя. Красная Армия идет неудержимо – мы “ворвались и грохнули”». ⁵⁸

В конце апреля советские войска окружили Берлин в районе Потсдама 300-тысячную берлинскую группировку противника. Противник был обречен. Аркадий Лейзеров записал в связи с этим характерный эпизод. Девушки⁵⁹ из Белоруссии рассказали ему, как “сражался” фольксштурм: «Когда немцы отошли из деревни, фольксштурмовцы собрали и заперли свое оружие, а ключи принесли нашим девушкам». ⁶⁰ Иосиф Инденбаум писал, что находился в “проклятом” Берлине “проклятой” Германии: «В городе, вернее, в бывшем городе стоит адский грохот и гул от разрывов снарядов и бомб. Дни Берлина сочны. Наступающий май, безусловно, будет месяцем начала новой мирной жизни». ⁶¹

⁵⁰ Письмо Менделя Мовшевича Левина – Матильде Левиной на ст. Карабалты Калининского р-на Фрунзенская обл., Киргизская ССР 21 февраля 1945 г.

⁵¹ Письма Якова Абрамовича Эпштейна – жене Нине Яковлевне Эпштейн (Должанской) в Фрунзе Киргизской ССР 26 февраля и 4 марта 1945 г.

⁵² Письмо Д. Пинхасика – М. Вагановой в Минск 21 марта 1945 г.

⁵³ Кёнигсбёргская операция (6-9 апреля 1945 г.) по захвату города-крепости Кёнигсберг; по данным Совинформбюро, в плен было взято 93 тыс. 853 немецких военнослужащих, около 42 тыс. убито, захвачено более двух тысяч орудий, 1652 миномёта и 128 самолётов.

⁵⁴ Письмо М.Б. Вайла – Б.Ш. Вайл-Новак 7 апреля 1945.

⁵⁵ Никита Ильич Толстой (1923-1996 гг.) – советский и российский филолог, академик АН СССР, правнук Льва Толстого, внук второго сына писателя – Ильи Львовича Толстого, сын Ильи Ильича Толстого, морского офицера из последнего выпуска Императорского Морского кадетского корпуса; в 1941-1944 гг. участник партизанского движения в Сербии, в 1944-1945 воевал в Красной Армии, после возвращения из эмиграции – доцент МГУ.

⁵⁶ Анна Ильинична Толстая – внучка Л.Н. Толстого.

⁵⁷ Письмо Толстого 24 марта 1945 г.

⁵⁸ Письмо Никиты Ильича Толстого – Анне Ильиничне Толстой в Москву 5 апреля 1945г.

⁵⁹ Имеются в виду девушки и молодые женщины, вывезенные в годы войны немцами на принудительные работы в Германию.

⁶⁰ Дневник А.Т. Лейзерова. Запись 26 апреля 1945 г.

⁶¹ Письмо Иосифа Инденбаума из Берлина – Саре Яковлевне в Ленинград 30 апреля 1945 г.

Победа была уже близка, и все хотели до нее дожить. Борис Фейгин сообщал жене Соне, что он пока держится, но многие его товарищи уже погибли⁶²: «Я все еще живой. Чье это счастье, я не знаю».⁶³ Абрам Райхман: «Как трудно воевать последние дни! Каждому хотелось сохранить себя. Один из ближайших моих товарищей, Анатолий Никольский, погиб за два дня до окончания войны. Сколько этих могил по дорогам и городам Чехословакии, Польши, Германии! Как тяжело досталась нам победа. Об этом может знать только тот, кто пережил это сам».⁶⁴

Менаше Ваил приводит свидетельство с обратной стороны. В письме к жене Бэле в апреле 1945 г. он писал, как целый полк “вражеского войска” во главе с командиром полка сдался в плен и шагал по шоссе стройной колонной под управлением своих же офицеров, направляясь на сборный пункт».⁶⁵ Но не всем суждено было дожить до победы, которая досталась дорогой ценой. В ходе Берлинской операции с 16 апреля по 8 мая советские войска потеряли 352 тыс. 475 солдат и офицеров, включая убитыми 78 тыс. 291 чел.⁶⁶

Стремительное наступление Красной Армии диктовалось не только военными, но и политическими соображениями не позволить союзникам первыми овладеть столицей Третьего рейха. Яков Эпштейн писал своей семье, эвакуированной из Ленинграда в Киргизию, что наступили исторические дни и “весь мир всполошился”: «Эта проклятая Германия надоела. Неискренняя, помятая, побитая. Скоро, наверное, двинемся мы западнее и встретимся с англичанами».⁶⁷ После кровопролитных боев 2 мая 1945 г. Берлинский гарнизон капитулировал. По донесениям советского командования потери немецких войск в ходе Берлинской операции составили убитыми около 400 тыс. чел., а пленными около 380 тыс. чел. Часть немецких войск была оттеснена к р. Эльбе и капитулировала перед союзными войсками.⁶⁸ Поздним вечером 8 мая 1945 г. в пригороде Берлина - Карлсхорсте был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. 9 мая советские войска освободили Прагу. Война в Европе закончилась.

Советский патриотизм

Советский патриотизм, нашедший отражение в частной переписке 1944-1945 гг., отличался от его официального выражения с лозунгами и призывами, которыми изобиловали периодическая печать, наглядная агитация и устная пропаганда. Национальные чаяния евреев оставались глубоко упрямыми от постороннего взгляда и не афишировались. Задумываясь об устройстве

⁶² Письмо Бориса Лейбовича Фейгина - Соне Марковне Фейгиной в г. Коканд, Ферганской обл. Узбекская ССР 3 апреля 1945 г.

⁶³ Борис Львович Фейгин пропал без вести 8 мая 1945 г. См: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), ф. 58, оп. 18004, д. 538.

⁶⁴ Письмо Абрама Райхмана - своей матери Дворе в г. Бухара Узбекской ССР 29 мая 1945 г.

⁶⁵ Письмо М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак 7 апреля 1945 г.

⁶⁶ *Гриф секретности снят: Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах*, стат. исслед. Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П.Д. Буриков, Москва 1993, с. 220.

⁶⁷ Письмо Я.А. Эпштейна - Н.Я. Эпштейн (Должанской) 30 апреля 1945 г.

⁶⁸ Коллектив авторов. «Русский архив»: *Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии)*, т. 15 (4-5), Москва 1995, с. 141, 168, 180.

послевоенного мира, люди невольно обращались к последнему мирному дню лета 1941 г., как к точке отсчета. Вместе с тем было понятно, что грядут перемены.

Давая оценку патриотизму советского человека за границей, необходимо учитывать, насколько он оставался свободен в своих мыслях, поведении и принятии решений. В Германии советские военные являлись представителями победившей державы. В то же время демобилизованные ветераны не могли отправиться на все четыре стороны по своему усмотрению. Все они без исключения были обязаны вернуться к довоенному месту жительства, а уже оттуда пойти работать, учиться или устроиться на службу, но только в рамках советского государства. Ни о какой эмиграции за пределы СССР не могло быть и речи, тогда как весь остальной мир после войны был открыт.

Большинство советских евреев не собирались никуда уезжать. Авторы писем писали, что ощущали себя советскими людьми, у которых за плечами было советское прошлое. Они искренне считали СССР своей родиной, а о Палестине мечтали единицы. Никто не знал, насколько долговечным окажется завоеванный мир, какие уроки извлекут народы и их руководители из прошедшей войны. Ответить на эти вопросы было невозможно, не имея независимых источников информации, а опыта личной жизни для этого было недостаточно. Израиль Перлов писал своей жене: «Что бы ни случилось, но все не останется так, как было до войны. Пусть многое из того, «как было», заслуживает осуждения! Мать часто бывает несправедливой к своим детям, но дети из-за этого не становятся врагами матери. И, когда матери угрожает кто-то чужой, дети готовы вцепиться в горло этому чужому».⁶⁹ Яков Эпштейн восклицал в сердцах: «Надоела мне эта заграница. Барахла много, но никакого желания его собирать».⁷⁰ Эту же мысль мы встречаем в письме Давида Пинхасика, который сообщал жене в конце марта 1945 г.: «Ты не представляешь, сколь сильно и остро ощущаем мы здесь (в Германии – ЛС), дыхание родной земли. Тело здесь, а душа там ...»⁷¹ За несколько дней до капитуляции Германии в мае 1945 г. Лия Левитан получила письмо от своего друга Евгения, в котором сообщалось, что первое письмо Лии из Зольдау вызвало у него неприятие: «Тебе так понравилась Европа, Пруссия, ты была так увлечена новой жизнью, в таких розовых красках видела все и так наивно, совсем по-детски смотрела на вещи. Что мог я ответить? Портить настроение тебе я не хотел, тем более что я понимаю это первое увлечение заграницей. И вот с радостью отмечаю по твоему второму письму, что это увлечение прошло ... Пожалуй, не придется скоро вернуться домой: кому-то надо будет дожать узду оккупации на Германию».⁷²

Отношение к пленным и гражданскому населению

После перехода границы с Германией отношение к немецкому гражданскому населению у советских евреев в Красной Армии переменилось. В их письмах домой проявилось понимание того, как относиться к беззащитным

⁶⁹ Письмо И.С. Перлова – С.Л. Вулих 22 июня 1944 г.

⁷⁰ Письмо Я.А. Эпштейна - Н.Я. (Эпштейн) Должанской 13 марта 1945 г.

⁷¹ Письмо Д. Пинхасика из Восточной Пруссии – М. Вагановой в Минск 29 марта 1945 г.

⁷² Письмо Евгения Клохтина – Лие Соломоновне Левитан 4 мая 1945 г.

гражданским людям на немецкой территории. Проводится грань между желаемым и дозволенным – “мы не фашисты”, “мы советские люди и не воюем с женщинами, стариками и детьми”. При этом немецкое гражданское население не рассчитывало на милосердие и сострадание советских военнослужащих. Фронтовики приводили примеры о том, как пропаганда Геббельс запугивала мирных жителей и требовала уходить вглубь Германии, не дожидаясь появления Красной Армии. С этой целью нацисты распускали самые неправдоподобные слухи о зверствах «красных» в отношении семей немецких военнослужащих. Не исключено, что немцы искренне верили в жестокость, которая была им уготована в качестве расплаты за совершенные злодеяния на советской территории.⁷³

Правда жизни, как всегда, оказалась намного сложнее и противоречивее, чем это представлялось в теории. Вчерашние враги, сдавшись на милость победителя, превратились в несчастных и потерянных людей, зависимых от воли советских оккупационных властей. Лия Левитан писала в апреле 1945 г. своему брату Залману о том, что фронт отодвинулся, нет автоколонн, нет регулировщиц, нет ракет, не летают самолеты: «Мы ходим на работу вместе с колонами пленных фрицев и наблюдаем, как они роются в отбросах у дороги, подбирают рассыпанные корки хлеба, комки каши и т.д. Ленинградцам любопытно смотреть на это. Есть и русские предатели “власовцы”, слышал о них? Девушки встречаются с пленными. Ко всему мы уже относимся равнодушно».⁷⁴

Юрий Пинский писал в январе 1945 г., что “чистокровные арийцы” почувствовали на своей “шкуре” всю прелесть войны: «Вначале мы населения не встречали, т.к. оно целиком уходило, но сейчас их уже много остается, ибо им уже некуда уходить».⁷⁵ Менаше Ваил в начале февраля 1945 г. уточнял, что по дорогам немецкие женщины, дети и мужчины “бредут толпами” и делал вывод о том, что он смотрит на этих “выродков человечества” с глубоким отвращением: «Очень уныл их вид, но жалости к ним не чувствуешь. Наоборот, смотришь на них с каким-то омерзением, и их жизни спасает лишь то, что мы не хотим уподобиться немцам – не хотим воевать с женщинами и детьми».⁷⁶ В другом письме Ваил дополнял: «Старики, женщины, дети со страхом и мольбой заглядывали нам в глаза, чувствуя свою вину и прося только о жизни. Мы их не трогаем – мы с ними не воюем. Мы удовлетворены одним тем, что сейчас уже они находятся в таком положении, как были наши люди в 1941-1942 годах, и что они нас боятся. “Русские зольдат ист гут” - твердят они все в один голос».⁷⁷

⁷³ В годы войны советская армия захватила в плен 3 млн. 777 тыс. 300 солдат и офицеров противника, в т.ч. 2 млн. 389 тыс. 500 немцев, 156 тыс. 800 австрийцев, 513 тыс. 800 венгров, 201 тыс. 800 румын, 48 тыс. 900 итальянцев, 2400 финнов, а также 464 тыс. 100 военнопленных других национальностей (французы, словаки, чехи, поляки, испанцы, хорваты, бельгийцы, голландцы и другие) из состава добровольных формирований, служивших в вермахте - *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование*, под общей ред. Г.Ф. Кривошеева, Москва 2001.

⁷⁴ Письмо Лии Соломоновны Левитан из Зольдау – брату Семену (Симе) Залмановичу Левитану 16 апреля 1945 г.

⁷⁵ Письмо Юрия Хацкелевича Пинского в Копейск Челябинской обл. 25 января 1945 г.

⁷⁶ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 1 февраля 1945 г.

⁷⁷ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 6 февраля 1945 г.

В это же время Моисей Гинзбург писал своим родителям, что “герры” и “фрау” дрожали, когда советские солдаты входили в их деревни и города: «Они ожидали встретить орду грабителей и убийц. Вместо этого немцы очень удивлены, когда видят, что наши бойцы исключительно культурно обращаются с людьми, которые в действительности достойны пули. Но мы не немцы и не убивали детей, стариков, женщин».⁷⁸ Подтверждение этому мы находим у Аркадия Лейзерова, который записал в своем дневнике в апреле 1945 г., что пропаганда Геббельса работает очень сильно: «Немцы верят, что мы режем лезвием глаза, обрезаем уши, нос, давим гусеницами девушек. Один вид танкистских шлемов бросает их в дрожь. Парень рассказал, как он зашел в дом немца, тут же были и дети. Когда хозяин спросил солдата о его национальности и в ответ услышал “русский”, то дети с визгом и криком бросились вон из комнаты».⁷⁹ Яков Эпштейн в конце апреля 1945 г.: «Много детей и стариков, шаркают перед нами, кланяются по пояс и уверяют, что все против Гитлера. Противно. Хоть бы скорее вернуться домой».⁸⁰ Абрам Райхман в мае 1945 г.: «Мы сполна отомстили врагу за всё. Как приятно смотреть на бредущие толпы немцев, голодных и бездомных! Они мечтали о господстве, они выгнали вас, дорогие, из родных хат, они готовили вам смерть. И всё это они получили сами».⁸¹ Яков Эпштейн в июне 1945 г. сообщал, что центр Берлина представляет собой развалины: стены дворца, музеев, дома, университета: «Рейхстаг – только разбитые стены. Тиргартен обшарпанный, весь в воронках, окопах, не взорванные бомбы, техника... кирхе – стены». Но уже появились приметы мирной жизни, “гуляет шикарная публика, заработали кафе”: «Заходили выпить пива. Ел клубнику со сбитыми сливками. Ложек не хватило (это в шикарном ресторане!), кому дают супные, кому чайные. Нам хозяйка дала свои личные с условием вернуть ей, а не оберу (метрдетелю – ЛС). Вот такие дела. Играет джаз, кто-то танцует, а перед кафе, когда садились в машину, ребятишки просят “хлеба” и “папиросы”».⁸²

Война смешала не только людей, страны, смела границы. Аркадий Лейзеров записал в дневнике: «Нужно сало? Едем в Югославию. Нужно мыло? Отпустите в Румынию. Сегодня Смирнов, чувствуя близость австрийской границы, сказал: «Пора и нам в Австрию». Да, не мешало бы, ведь до нее отсюда какие-нибудь 18 км».⁸³

Евреи, как военнослужащие Красной Армии, всюду встречали радушный прием, особенно трогательными были встречи с представителями еврейских общин этих стран, уцелевшими в годы Холокоста. Советские евреи удивлялись, что в буржуазном государстве было позволено соблюдать традицию и посещать синагогу, а местные евреи, в свою очередь, что еврей может быть офицером и понимает идиш.

⁷⁸ Письмо М.Б. Гинзбурга – родителям в Баку 5 февраля 1945 г.

⁷⁹ Дневник А.Т. Лейзерова. Запись 13 апреля 1945 г.

⁸⁰ Письмо Я.А. Эпштейна - Н.Я. Эпштейн (Должанской) 28 апреля 1945 г.

⁸¹ Письмо Абрама Соломоновича Райхмана – своей матери Дворе в г. Бухара Узбекской ССР 29 мая 1945 г.

⁸² Письмо Я.А. Эпштейна - Н.Я. Эпштейн (Должанской) 11 июня 1945 г.

⁸³ *Дневник Лейзерова Аркадия Тебелевича. Венгрия, Югославия, Румыния. Запись от 13 апреля 1945 г., Музей истории и культуры евреев Беларуси (Минск).*

В письмах фронтовиков мы читаем рассказы о советских и иностранных гражданах, вывезенных на принудительные работы в Германию или освобожденных из нацистских лагерей. Большинство этих людей с восторгом встречали солдат Красной Армии. Они становились добровольными помощниками в госпиталях, на хозяйственных работах, при очистке завалов, перевозке грузов. В письмах говорилось о немецких пленных, которые сдались на милость победителя и были рады, что им сохранили жизнь. Яков Эпштейн писал своей жене Нине в феврале 1945 г., что работа в военном госпитале была очень тяжелая, санитарок не было, и на врачей легло все - от обслуживания больных и уборки палат до мытья полов. Помогали бывшие военнопленные-французы, главным образом итальянцы. Они таскают воду, носят раненых: «Если бы не они, мы совсем сели бы в галошу».⁸⁴ Но были и другие примеры. Аркадий Лейзеров записал в своем дневнике, что 24 марта 1945 г. на ст. Кишкунлацхаза в Венгрия военнослужащим зачитали приказ о приговоре военного трибунала над двумя бывшими красноармейцами: «Приехав в деревню за вином, они напились, изнасиловали женщину, ранили ее из автомата, затем убили. Оба расстреляны перед строем части. Такое отношение к населению - самое опасное для армии. Это может привести к созданию партизанских отрядов, которых пока еще нет».⁸⁵ В сентябре 1945 г. Лейзеров сделал еще одну запись: «В некоторых наших частях отмечается много грабежей, насилий, даже убийств. Особенно отличаются казаки. Наблюдается дезертирство репатриантов, призванных полевыми райвоенкоматами, чтобы избежать возвращения в Россию. Прискорбно, что среди невозвращенцев есть и офицеры (в т. ч. один майор - командир танкового полка). Среди нового пополнения у нас есть лица, бывшие на оккупированной территории по 1-2 года».⁸⁶

Трофеи. Уровень жизни, быт

Советские военнослужащие не могли промолчать в письмах об уровне жизни в Германии и налаженном быте (прекрасное сообщение между городами, каменные дома, водопровод, канализация, газ, мощные тротуары, фруктовые деревья вдоль дорог). Все это намного превосходило то, к чему они были готовы. По словам одного из авторов писем - много обнаружилось таких неожиданностей, что приходится «ахать» и «ахать».⁸⁷ Советские военнослужащие обращали внимание на архитектуру зданий, чистоту, уют и аккуратность немцев. Всего этого нельзя было достигнуть одной эксплуатацией иностранных рабов, вывезенных из покоренных стран. Это было следствием немецкого национального характера - трудолюбия и бережливости, умения прекрасно работать, дисциплины, ответственности за порученное дело, частной инициативы, которую государство не подавляло. Сталкиваясь с этим, советские солдаты и офицеры неизбежно задавались вопросом, почему «у нас не так»? Почему уровень жизни в СССР, государстве рабочих и крестьян, не идет ни в какое сравнение с буржуазной Германией?⁸⁸

⁸⁴ Письмо Я.А. Эпштейна - Н.Я. Эпштейн (Должанской) 12 февраля 1945 г.

⁸⁵ Дневник А.Т. Лейзерова. Запись 18 апреля 1945 г.

⁸⁶ Дневник А.Т. Лейзерова. Запись 12 сентября 1945 г.

⁸⁷ Письмо И.С. Перлова - С.Л. Вулик 18 февраля 1945 г.

⁸⁸ O. Budnitsky, *The Intelligentsia Meets the Enemy: Educated Soviet Officers in Defeated Germany, 1945.*

В начале февраля 1945 г. Моисей Гинзбург писал своим родителям, что он живет, как в гостинице, а питается, как в ресторане: соленья, варенья, печенье, жареное, вареное и т.д., пьет вина, ликеры, настойки и т.п.⁸⁹ Яков Эшштейн в середине февраля 1945 г. сообщал, что его госпиталь расположился в огромном доме: паркетные полы, уйма шкафов и даже рояль выкинут на дворе, а врачи живут в ладном, маленьком, уютном немецком домике рядом.⁹⁰ В марте 1945 г. Яков дополнял, что его поселили в немецком доме с замечательной мебелью: «Все так удобно и уютно. Посуды сколько у этих немцев! Белья и всякого добра валяется, одежда, платья, радиоаппаратура, машины. Бьют все безжалостно. Едим до отвала: столько бесхозной скотины и свинины гуляет».⁹¹ В конце марта 1945 г. Юрий Водовоз сообщил своей тете в Ташкент, что устроился с товарищами в хорошей квартире: «Чистенькая кровать, сами провели электрический свет, радио, в комнате стоит замечательное пианино, у нас просто свой джаз. Но вся сила и энергия копится к последнему, решительному бою, а тогда еще счастливой заживем. Несмотря на то, что фронт под носом, а мы все же допускаем себе все возможные роскоши жизни, этого хотели немцы у нас – но мы их опередили. Все же противная страна».⁹²

После победы тон писем фронтовиков изменился, но перенесенные переживания давали себя знать. Все увиденное и услышанное приводится в сравнении с тяжелым опытом войны. Большинство солдат воспринимали немецкий комфорт, как справедливую награду за тяжелые испытания и потери, дни и ночи без отдыха и сна, оторванность от родного дома, разлуку с близкими и родными.

Давид Пинхасик писал Марии Вагановой в конце мая 1945 г., что он живет в небольшом, но благоустроенном городке: «Несколько непривычно – после стольких лет скитаний по лесам да землянкам, да в хорошую квартиру сразу».⁹³ Израиль Перлов в июне 1945 г. дополнял, что они с солдатами остановились на постоя в прекрасной дачной местности: «У самого дома огромное прекрасное озеро, в котором мы купаемся, катаемся на лодках и т.д. В общем, с этой точки зрения жить вполне можно. Но жизнь оставляет неопределенность и нетерпение, и, самое главное, сознание обстановки, в которой ты живешь и разочарование, которое ты испытываешь после столь счастливых майских дней».⁹⁴

Женские письма из Германии отличались от мужских. Женщины больше обращали внимания на быт, удобство и уют, эстетику жилища, домашнюю утварь, посуду, наряды. Было видно, как они соскучились по мирной жизни. Женщины

Jews, Pogroms, and the White Movement: A Historiographical Critique, "Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History" 2 (4) (Fall 2001). P. 751-772. Vol. 10. No. 3 (Summer 2009). P. 629-82.

⁸⁹ Письмо М.Б. Гинзбурга – родителям в Баку 2 и 5 февраля 1945 г.

⁹⁰ Письмо Я.А. Эшштейна – Н.Я. Эшштейн (Должанской) 16 февраля 1945 г.

⁹¹ Письма Я.А. Эшштейна – 8 марта 1945 г.

⁹² Письмо Юрия Ефимовича Водовозова – Марии Самуиловне Циглер в г. Ташкент, 3-й саперный проезд 46, 20 марта 1945 г.

⁹³ Письмо Д. Пинхасика – жене М. Вагановой в Минск 30 мая 1945 г.

⁹⁴ Имеется в виду эйфория, охватившая многих советских военнослужащих после подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г. Письмо И.С. Перлова – С.Л. Вулих 12 июня 1945 г.

сравнивали увиденное в Германии с тем, что было доступно в Советском Союзе и задавали вопрос – почему у врага, которого они люто ненавидели, жизнь устроена лучше, более разумно, человечно? Куклы были красивее, тапочки удобнее, ткани добротнее, дома каменные под черепицей, дороги мощные, улицы убраны, сады ухожены. От разочарования и сравнений не в пользу своей родины спасал только патриотизм. Все это, несмотря на свою привлекательность, было немецкое, чужое, служило врагу. В женских письмах больше рассуждений о том, как война надоела, как сердце истосковалось по любви, о желании найти суженого, выйти замуж, создать семью, построить свой дом, родить и воспитывать детей.

Лия Левитан писала из г. Зольдау в первой половине февраля 1945 г., что немцы бежали из города так поспешно, что оставили кушанье на столе и платья в шкафах: «Поэтому мы живем на всем трофейном от сухарей и шоколада до электрических лампочек и тазов. Впрочем, шоколад уже съеден, а лампочки не горят - нет света, плохо с водой. Из всех трофеев у меня, конечно, только книги - хорошо изданные на немецком языке. Немецкий язык сослужил мне службу: я объясняюсь по-немецки с французами, а итальянцы приветствуют меня "фрейлен"».⁹⁵

Через несколько дней Лия продолжала, что в прусском городке, "очень своеобразном и красивом", нет двух одинаковых домов - все построены по-разному и раскрашены в разные цвета. Улицы оригинально вымощены, аллеи расходятся вниз и вверх, башни. Ну, очень живописно, почти все уцелело: «Комнаты у нас очень красивые, чистые, теплые с красивой мебелью - диванами, буфетами и т. д. Таковую комнату бы в Ленинград».⁹⁶ В другом письме Лия уточняла: «Дома обставлены очень хорошо легкой мебелью, ковры, картины и зеркала столько, что в наших госпиталях, например, ставят часовому плюшевый красивый диванчик такой, что всякая женщина завизжала бы при виде его. Исключительно много посуды - фарфор, стекло всех цветов. Мы взяли на память в госпитале, где гостили, кое-какие вещицы - ну, очень красивые. А кое на чем знакомая подпись советской фабрики или просто по самой вещи видно, что она русская. Чего стоило нам, у кого дома почти ничего нет, смотреть на всю эту роскошь? Немецкая аккуратность и педантичность. Кое-что мы видели впервые. Представь себе в кухне стоит шкафчик с четырьмя вешалками и над каждой прибита эмалированная пластина⁹⁷ - Messertuch, Tischtuch, Tellertuch, Handtuch».⁹⁸

Однако не всегда женские вкусы совпадали. В начале апреля 1945 г. Лия делится в письме, что она получила трофейное платье: «Очень хорошее, шитое в мамином вкусе, но с таким же балахоном, как и все немецкие наряды. Удивительно некрасиво, неизящна, нескладна одежда немок. Вот тебе и заграница, культурная, абсолютно не умеют одеваться, из хорошего материала накроены такие саваны, что просто жалко».⁹⁹

⁹⁵ Письмо Лии Соломоновны Левитан из Зольдау – Семену (Симе) Залмановичу Левитану 12 февраля 1945 г.

⁹⁶ Письмо Л.С. Левитан – С.З. Левитану 14 февраля 1945 г.

⁹⁷ Messertuch - столовое полотенце, Tischtuch - скатерть, Tellertuch - посудное полотенце, Handtuch - полотенце для рук (нем. яз.).

⁹⁸ Письмо Л.С. Левитан родителям в Ленинград 30 апреля 1945 г.

⁹⁹ Письмо Л.С. Левитан 2 апреля 1945 г.

Сказывалось незнание истории, традиции и менталитета народа незнакомой страны и непреодолимое желание скорее очутиться у родного порога, в объятиях своей семьи, начать мирную жизнь. Советские солдаты и командиры называли Германию «серой», «проклятушей», которая «надоела до чертиков» и считали дни, когда ее можно будет покинуть насовсем несмотря на то, что это предполагало расстаться с прекрасными условиями быта. Многие военнослужащие искренне переживали «вину» перед своими семьями, терпевшими нужду из-за разорения от немецкого нашествия.

Психологическое отторжение чужой стороны сказалось на неприятии природы и климата Германии. «Погода теплая – снега нет», «осенью грязно и туманно». пейзаж «причесан, прилизан, чистенький», в поле ни соринки, нет полевых цветов, цветы только на клумбах. Погода «дурацкая» – зимой нет снега, а весной – солнца, редкие деревца выстроены шеренгами как солдаты, подстрижена и скучна редкая трава, которая и травой не пахнет. И вывод – нет лучше наших российских просторов. Давид Пинхасик писал Марии Вагановой в Минск в феврале 1945 г., что, несмотря на зиму, погода в Германии стоит теплая, снег тает, как только выпадет, теплых вещей никаких не нужно. Всю осень грязно и туманно, море недалеко.¹⁰⁰ В марте 1945 г. Давид продолжал: «Природа и та раздражает своей взбалмошенностью, дикой изменчивостью и непостоянством. Второй день бушует холодный, сильный с ног сбивающий ветер. Небо покрылось свинцовыми тучами, в воздухе несутся вихри колких снежинок, снегом покрыло землю».¹⁰¹ Лия Левитан в письме в Ленинград в начале апреля 1945 г. спрашивала своих родителей: «У вас, наверно, холодно, у нас уже жарко, ходим в носках».¹⁰² Спустя две недели она сокрушалась: «Дурацкая погода. Зимой нет снега, весной нет солнца, дурацкая природа – редкие деревца, выстроенные шеренгой как солдаты, подстриженные, скучные, низенькая трава, она и не пахнет травой. То ли дело добротные русские леса, поля, цветы. Ни одного цветка не видела я здесь. Как посмотришь на заграницу – скучная, серая страна. Нет лучше наших российских просторов».¹⁰³ Моисей Гинзбург родителям в Баку в мае 1945 г.: «Здесь у нас совсем весна, зелено, фруктовые деревья отцветают, лягушки квакают, морской северный ветер и противные немки и немцы кругом».¹⁰⁴

Победа. Скорее домой

После разгрома врага и капитуляции Германии наступило время подсчитывать потери, залечивать раны, налаживать деятельность коммунальных служб, решать вопросы обеспечения немецкого гражданского населения продовольствием, топливом, товарами первой необходимости. Запасы Германии позволяли безбедную жизнь для советских солдат, которые вели себя по праву победителей. После передовой на фронте новая обстановка представляла собой разительный контраст.

¹⁰⁰ Письмо Д. Пинхасика - М. Вагановой 12 февраля 1945 г.

¹⁰¹ Письмо Д. Пинхасика - М. Вагановой 3 марта 1945 г.

¹⁰² Письмо Л.С. Левитан 2 апреля 1945 г.

¹⁰³ Письмо Л.С. Левитан 16 апреля 1945 г.

¹⁰⁴ Письмо Я.А. Эпштейна - жене Н.Я. Эпштейн (Должанской) 15 мая 1945 г.

Вместе с тем, хорошие жилищные условия, устроенность быта, продовольственное обеспечение, относительно спокойная служба в оккупационных войсках прельщали недолго. После четырех лет пребывания на фронте люди стремились домой. От сытой заграничной службы они предпочитали ехать туда, где все сгорело, существовала карточная система распределения продуктов питания и товаров первой необходимости, но ждали любимые и близкие люди, где был родной дом, который нужно было восстанавливать. Отсюда в считанные месяцы после окончания войны настроения солдат и командиров переменились. В письмах домой начинает доминировать мысль о необходимости скорее возвращаться на родину.

В это время еще больше проявился контраст между тем, как советские солдаты представляли себе врага и его семьи накануне вторжения на территорию Германии, и тем, что они увидели в действительности. В Германии отсутствовала подпольная вооруженная борьба, как это было, например, в Польше и Прибалтике. Это, безусловно, облегчило существование советской оккупационной администрации. Немцы, которые еще недавно ощущали себя нацией господ, были морально сломлены, поэтому слова "Гитлер капут" большинство из них говорили совершенно искренне. Германия потеряла миллионы жизней своих солдат на поле боя и гражданских лиц от военных действий и бомбардировок союзной авиации.¹⁰⁵ Все это породило у немцев совершенно искреннюю ненависть к национал-социализму. Однако трагедия Холокоста не позволяла сочувствовать поверженному врагу, и для того, чтобы прийти в себя, требовалось время. Самое главное было дождаться возвращения любимого человека, обнять и опереться на его плечо, чтобы никогда больше с ним не расставаться. Моисей Гинзбург сообщал своим родителям 8 мая 1945 г., что пишет первое письмо в мирной обстановке: «Нет выстрелов, не свистят снаряды, не летают самолеты. По правде говоря, как-то непривычно. Скучно. Но уж это "несчастье" как-нибудь перетерпим. Еще много предстоит интересного, а главное встреча с вами, с моим городом, друзьями, товарищами, знакомыми».¹⁰⁶ Мария Ваганова – Давиду Пинхасику 7 июня 1945 г.: «Бог мой, когда только кончится это расставание! Как хочется быстрее тебя обнять. Давно уже прислушиваюсь, не стучишь ли в дверь. Не обижайся, что мало пишу и, пожалуйста, не требуй. Исписалась, сколько можно и о чем. Теперь говорить и только говорить надо с тобой. Жду. Обнимаю, целую».¹⁰⁷

Израиль Перлов 21 июня 1945 г. сообщал своим родным, что все еще находится в "проклятущей Германии" и считает дни, когда сможет ее покинуть, чтобы навсегда вернуться на Родину: «Тяжесть моего положения усугубляется прекрасными условиями, в которых живу. Я чувствую на себе вину в том, что не могу участвовать в ваших делах. Работы стало так мало ... Живу на берегу прекрасного озера. Ежедневно купаюсь, катаюсь на лодке и даже рыбу глушу. Пробовал заниматься охотой. Местность дачная, изумительно красивая. Если к этому добавить

¹⁰⁵ Население Германии (1939 г.) составляло 69 млн. 622 тыс. 500 чел., в годы войны мобилизовано в немецкую армию было - 17 млн. 893 тыс. 200 чел., погибло - 5 млн. 318 тыс. чел., попало в плен 4 млн. 100 тыс. чел., погибло гражданских лиц - 1 млн. 440 чел. См.: Rüdiger Overmans, *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg*, Oldenbourg 2000, pp 228-32.

¹⁰⁶ Письмо М.Б. Гинзбурга - родителям в Баку 8 мая 1945 г.

¹⁰⁷ Письмо М. Вагановой - Д. Пинхасику 7 июня 1945 г.

совсем неплохой “харч”, то станет ясным, что единственное, чего мне не хватает – это скорее поехать к вам».¹⁰⁸ То же самое мы читаем у Марка Смехова, который писал своему отцу Хаиму, эвакуированному в Башкирию: «Как хочется отсюда вырваться! Конечно, многие могут позавидовать: живу, как министр, прекрасная обстановка, мебель, питаюсь чем хочу: масло, молоко, ягоды, фрукты. Но здесь так мрачно, люди нас боятся и избегают».¹⁰⁹

Желание вернуться на родину с каждым месяцем после окончания войны становилось все сильнее. Типичным можно считать строки письма Давида Пинхасика в декабре 1945 г., адресованного жене Марии: «Ей богу, я готов лучше преодолевать любые трудности на родной земле, в родной обстановке, чем жить здесь (в Германии – ЛС). Право, у нас и воздух чище. Мне опротивели эти бесконечные “битте” и “данке”. Домой, только домой! Если б ты прожила здесь с мое, ты бы сама завопила – домой, домой».¹¹⁰

Одновременно письма 1945 г. были полны планов послевоенной мирной жизни. Необходимо было позаботиться о насущном, пополнить скудные запасы (одежда, обувь, товары повседневного спроса, предметы первой необходимости, продукты питания), подготовить подарки детям и женам. Эти просьбы могли показаться мелочными по сравнению с переживаниями, которые остались позади. 7 мая 1945 г. Яков Эпштейн писал домой: «Как дорого нам эта война стоила. И тяжело, и грустно. Никак не укладывается в голове, что я вернусь домой, а Зорика больше никогда не увижу».¹¹¹ Хочется вернуться к своей работе поскорее. Смогу ли я работать так, как работал?¹¹² Во мне что-то изменилось, как будто машинку какую-то подменили».¹¹³

Тем не менее, проза повседневности все настойчивее стучалась в дверь и по-своему служила подтверждением того, что жизнь входила в нормальное русло. Нина Эпштейн, возвратившаяся из Киргизии в Ленинград, писала своему мужу Якову в Берлин в июне 1945 г., чтобы он постарался себя одеть с ног до головы: «Так все делают. Может быть, у вас это возможно?»¹¹⁴ В июле 1945 г. она напоминает Якову,

¹⁰⁸ Письмо И.С. Перлова – С.Л. Вулих 21 июня 1945 г.

¹⁰⁹ Письмо Марка Ефимовича Смехова – Ефиму Наумовичу Смехову в пос. Красный Ключ Нуримановского р-на Башкирской АССР 18 августа 1945 г.

¹¹⁰ Письмо Д. Пинхасика - М. Вагановой 6 декабря 1945 г.

¹¹¹ Эпштейн Георгий (Зорик) Яковлевич (1924-1945 гг.), мл. лейтенант, сын Нины и Якова Эпштейнов, родился в Берлине, эмигрировал с родителями в СССР (1933 г.), окончил среднюю школу в Ленинграде (1941 г.), служил в 2-м танковом армейском корпусе, умер от ран 2 февраля 1945 г., похоронен г.Вольденберг - ЦАМО, ф. 33, оп. 11458, д. 783.

¹¹² Яков Абрамович Эпштейн (1899-1976 гг.), канд. мед. наук, род. в Варшаве, отец которого как участник «Народной воли» бежал от преследований царского правительства в Болгарию. Яков окончил Берлинский университет (1925 г.) и после прихода нацистов к власти эмигрировал в СССР (1933 г.), за два года до этого в Москву переехала вся его семья – родной брат Лев с женой и ребенком и родители, Яков работал во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (1935-1941 гг.), брата Льва, сотрудника Наркомата вооружений, репрессировали (1938 г.), родители умерли, а сам Яков 4 июля 1941 г. вступил добровольцем в Красную армию.

¹¹³ Письмо Я.А. Эпштейна из Берлина - жене Н.Я. Эпштейн (Должанской) в Ленинград 7 мая 1945 г.

¹¹⁴ Письмо Н.Я. Эпштейн (Должанской) из Ленинграда – Я.А. Эпштейну в Берлин 13 июня 1945 г.

чтобы на все деньги, которые у него собрались, он купил промтовары: «Если там нет магазинов, то на рынке, или у частных лиц. Ориентируйся на часы для Рут (дочь Якова и Нины – ЛС), пальто, чулки, туфли № 36 и 37. Себя одень с головы до ног. У тебя нет ни костюма, ни пальто, ни обуви. Затем нет теплых одеял (штуки 2). Самые лучшие – ватные. Говорят, что там все же можно достать значительно дешевле».¹¹⁵ В июле 1945 г.: «Рут счастлива, что ты ей приобрел часики. Нельзя ли переделать их в ручные? Я тебе все пишу, чтобы ты там приобрел костюм, пальто и туфли СЕБЕ. Это необходимо. Если у тебя мало денег, одолжи».¹¹⁶

Вывод

С подписанием Акта о безоговорочной капитуляции нацистской Германии советские солдаты испытали чувство исполненного долга, огромной радости и облегчения. Третий Рейх перестал существовать, немцы как народ демонстрировали свою покорность. Советские военнослужащие, пришедшие в Германию, не были готовы к тому, что они увидят, когда окажутся в Европе. Это были, в основном, молодые люди только с советским опытом жизни. Никто из них никогда не выезжал за границу. Люди старшего поколения, которые посещали Германию или Европу до 1917 г., вынуждены были сохранять молчание или к тому времени умерли. Советская молодежь воспитывалась на идеалах коллективизма, героике революции и гражданской войны, выдуманных сталинскими историками. Аскетизм советской жизни не нарушал их душевного покоя. Примитивный быт, отсутствие права частной собственности и инициативы совершенно не смущали. Сложный комплекс переживаний, замешанный на близости смерти, которая, образно говоря, долгое время оставалась на расстоянии вытянутой руки, создавал атмосферу постоянного нервного возбуждения. Никто не представлял, какую непростую задачу (психологическую, нравственную и эмоциональную) предстоит решить, попав на территорию противника.

Чужая культура, история и язык – весь это мир был непонятым. Все, не похожее на советское, воспринималось враждебно, как чужое. Наряду с этим у солдат Красной Армии было чувство собственного превосходства, никто из них не видел себя в роли захватчиков. Тот, кто дожил до победы, решил сверхзадачу – победил врага и уцелел сам. Однако встреча с реальной Германией, ее культурой, архитектурой, достижениями научно-технического прогресса, комфортом домашней жизни вызвали и другую реакцию. Письма из Германии 1945 г. стали более содержательными, полны наблюдений, оценок, рассуждений и планов на будущее, интересных сравнений, отличаются общим оптимизмом, бодростью и живостью. Люди искренне делились своими наблюдениями, мыслями и чувствами. Все расслабились, смягчилась и цензура.

Наступала другая эпоха, люди, пережившие войну, должны были найти в себе силы начать все заново. Сотни тысяч советских военнослужащих, побывавших за границей во время освободительного похода против нацистской Германии, приобрели бесценный опыт, который они надеялись использовать в мирной жизни на родине. Советские евреи доказали свою преданность стране,

¹¹⁵ Письмо Н.Я. Эпштейн (Должанской) 3 июля 1945 г.

¹¹⁶ Письма Н.Я. Эпштейн 19 июля 1945 г.

проявили храбрость, умение воевать, их героизм нашел воплощение в ратных делах и подвигах. Демобилизовавшиеся из Красной Армии евреи были уверены, что советское государство по достоинству оценит их вклад в общую победу, воздаст должное страданиям еврейского народа в период Холокоста. Однако действительность оказалась иной. Все заслуги евреев в годы войны не привели к исчезновению антисемитизма в Советском Союзе. Сталинский режим после окончания войны был обеспокоен своим выживанием. Во внутрисоветской жизни страны назревали события, которые вызвали глубокое разочарование и послужили серьезным препятствием для возрождения национальной жизни.

REFERENCES

- Budnitsky O., *The Intelligentsia Meets the Enemy: Educated Soviet Officers in Defeated Germany, 1945. Jews, Pogroms, and the White Movement: A Historiographical Critique*, "Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History" 2 (4) (Fall 2001). P. 751-772. Vol. 10. No. 3 (Summer 2009). P. 629-82.
- Overmans Rüdiger, *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg*, Oldenbourg 2000.
- Sheyer Aron, *Pariahs among the pariahs. Soviet-Jewish POW's in German Captivity, 1941-1945*, Yad Vashem. Jerusalem 2016.
- To Pour Out My Bitter Soul. Letters of Jews from the USSR 1941-1945*. Edited by Arkadi Zeltser. Yad Vashem, Jerusalem 2016.
- Абрамович Арон, *В решающей войне. Участие и роль евреев в войне против нацизма*, Санкт-Петербург 1999.
- Арад Ицхак, *Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945 гг.)*, Днепропетровск 2007.
- Арад Ицхак, *Они сражались за Родину // Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне*. Москва-Иерусалим 2011, с. 122-149.
- Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии)*, т. 15 (4–5), Москва 1995.
- Гриф секретности снят: Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах*: Стат. исслед. Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П.Д. Буриков. Москва 1993.
- Радзиховский Л., *Неизвестные солдаты*, „Российская газета“ № 4359, 8 мая 2007 г.
- Ржешевский О.А., *Изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским*, „Военно-исторический журнал“ 2003 г., № 5.
- Российский Архив. Великая Отечественная война*. Т. 15 (4-5). *Битва за Берлин*. Москва 1995.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование*, под общей ред. Г.Ф. Кривошеева, Москва 2001.
- Семиряга М.И., *Как мы управляли Германией. Политика и жизнь*, Москва 1995.
- Фефер Ицик, *Felker-brider*, "Эйникайт", 2 марта 1944 г.
- Шнеер Арон, *Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941-1945 гг.* Москва-Иерусалим 2005.